

О терминологическом языке интеллигентоведения

1. Интеллигентоведение не значится в учебных планах университетских дисциплин. Это говорит о многом, прежде всего о том, что программы обучения в высшей школе не скоординированы с бурно развивающимися формами знания, о которых сравнительно недавно можно было говорить лишь на уровне неких гипотез и предположений. Находясь в ряду «непризнанных» наук, интеллигентоведение, однако, имеет собственный предмет изучения, хорошо осознаваемые цели, методологические ориентиры и исследовательские стратегии. Что же касается научного языка, то он находится в становлении и, несомненно, переживает процесс терминологического расширения – по мере того, как раскрываются новые горизонты проблематики, входящей в состав молодой, вернее, юной дисциплины.

2. Мы много писали об открытости интеллигентоведения. Этот признак наглядно проявляется в специализированном дискурсе. Языковая проблематика тут, пожалуй, главное, что следует обсуждать. Почему? – Совсем недавно мы полагали, что чем богаче терминологические ресурсы науки, тем лучше: ведь посредством широкого их набора можно значительно глубже и тоньше вникнуть в существо той или иной тематики. Но спецификация научного знания ныне настолько возросла, что возникает угроза формально-манипулятивного стиля с утратой им жизненного содержания, ради понимания которого и существует наука, особенно ее гуманитарный сегмент. Поэтому раздаются голоса о необходимости языковой прозрачности исследований, о культивировании принципа минимализма, помогающего «обо всем <...> сказать просто, ясно и доступно» (Ф. И. Гиренок). Надо ли говорить о дидактической актуальности подобного требования, но нельзя не видеть его излишней строгости, особенно в той части, где специальная терминология приносится в жертву экзистенциально обмирщенному языку. В сфере интел-

лигентоведения мы встречаемся с этим почти на каждом шагу. В самом деле, наиболее распространенной трактовкой основного концепта, положенного в основу этой науки, является не что-то «сложное», а уж настолько понятное, что невольно возникает сомнение в целесообразности подвергать его какому-либо изучению. Чего стоит, например, установка на уразумение данного концепта с опорой на критерий профессиональной принадлежности людей и разделением их на такие группы, как техническая, городская, сельская, учительская и прочая интеллигенция, в своей многочисленности уходящая за горизонт возможной обозримости. А вот то, с чего надо бы начинать предметные размышления, не помнят или не знают. Поэтому воспроизвести исходное значение термина «интеллигенция» здесь не помешает.

3. Всякому филологу известно, что то или иное слово претерпевает определенную эволюцию, сохраняя, впрочем, свое ядерное значение. Последнее удерживается даже и тогда, когда экстраполируется в систему иных языков. Знать первоначальную семантику слова очень важно, ибо, по выражению М. Хайдеггера, не мы владеем языком, а он, язык, говорит посредством нас. Слово, помимо всего прочего, помогает уму и охватить бытие, и заглянуть вовнутрь себя, дабы умело распорядиться своими возможностями и осознанно формулировать собственные цели, цели понимания. Следует считать классическим определение, данное А. Ф. Лосевым: «Сознание, интеллигенция есть соотнесенность смысла с самим собой». Далее ученый пишет: «Смысл мыслится как *сам в себе* производящий расчленения и соединения, как *сам* относящий себя к иному и иное в себе <...> ». Хранителем и формой такого сложного содержания может быть только одно, именно , как это мы называем, само себя мыслящее слово. Естественно, что оно существует не в бесплотном пространстве. Его носитель – человеческая личность, в русской традиции именуемая интеллигентной. Не знаю, насколько велика надежда на то, чтобы вышесказанное выразить более просто и ясно, не прибегая к научной терминологии, но это – начало, которое дает возможность развить ход нашей мысли.

4. Если уже мы заговорили о личности, без которой интеллигентоведение непредставимо, то необходимо отметить острый и глубокий интерес многих наук, в частности психологии, а также философии, к этой проблеме. Будем кратки и скажем, что личность воспринимается ныне как а) феномен противоречивый, но б) целостный. Здесь уместно вспомнить своеобразный антропологический идеал К. Г. Юнга, лапидарно переданный его словами: *homo totus*.

5. Итак, личность целостна и противоречива... Отчего так и где источник дисгармонии, которую человек стремится умирить и, в конце концов, трансформировать в высоты согласного с собой духа? Может быть, наши объяснения покажутся кому-то отягощенными редко употребляющимися терминами, но это не остановит нас на пути к прояснению проблемы.

В. М. Бакусев в аналитическом очерке о творчестве К. Г. Юнга использует два философских термина при описании теории мыслителя. Исходя из целостного понимания личности, исследователь осмысливает ее в качестве «смеси эйдоса и меона», между которыми есть не только связь, но и борьба. Личность становится таковой, но «в разной степени» осуществленности, в зависимости от того, что в ней утверждается, – световая энергия идеального смысла или мгlistая стихия меона, деструкции, того *иного*, о котором упоминалось выше в цитате из сочинений А. Ф. Лосева. Победивший эйдос с его себя-мыслящим словом ведет в пространство культуры, меон же – во тьму варварства.

6. Нам хотелось бы уйти от примитивной логики «белого/черного». В личности моменты эйдетического и меонального даны в диффузной слитности, а порою неразличимости. И если она хочет *быть*, ей необходимо предпринимать постоянные усилия, чтобы превозмочь натиск варварских соблазнов. Интеллигентная личность – это, если угодно, человек обратной перспективы: ведь Истина, Добро, Красота и, в первую очередь, Бог, нередко попираемые и утрачиваемые в эмпирике жизненного меона, всегда с ним и в нем.

Замечательно выразился А. Белый в трактате «История становления самосознующей души», повторив слова ап. Павла: «Не я, но Христос во мне».

7. В связи со сказанным, духовно-психологический и нравственный портрет интеллигента не может быть воссоздан средствами исключительно победного и благостного стиля. Напротив, тут много драматических, а нередко и прямо трагических мотивов. Отдать себя служению Высокому и осердеченной правде – не значит ли быть готовым к трудному подвигу и жертве?.. Простыми словами об этом не расскажешь.